

— Что ты вообще здесь делаешь? Я ловлю себя на том, что спрашиваю Джесс на моем новом уроке, посвященном обучению игре на скрипке в Эндарине. Как я оказался в такой ситуации, ну, скажем так, мир меня за это обидел? Мой психотерапевт предположил, что школе нужен преподаватель игры на скрипке, говорящий на эндарийском языке. Затем я обратился к генералу Шарме с просьбой подать заявку на эту должность. Ну, я не пошел к ней первым. Я попробовал подать заявление через школьный портал вакансий, где была указана вакансия.

Я легко подхожу под эту должность.

Работа: Преподаватель игры на эндарианской речи на скрипке.

Требования: Может говорить на эндарийском языке. Может играть на скрипке с близостью к навыку минимум 80% или выше. Можно попасть на военную базу. Предпочтительны магические или экстрасенсорные способности.

Задания: Вам будет поручено научить эндарианцев игре на скрипке. Это дипломатическая работа, и она потребует тщательного изучения и проверки не только людьми, но и эндарийцами. Ожидается, что вы будете преподавать игру на скрипке два раза в неделю, в ночные часы.

Платить: Один сертификат каждые две недели (Маг или Экстрасенс, на ваш выбор).
Дополнительные соображения также могут быть приняты в зависимости от доступности и производительности.

Работа звучала слишком хорошо, чтобы быть правдой. Один сертификат каждые две недели? Кто мог отказать в этом, особенно когда я мог диктовать, хочу ли я получить сертификат от мага или экстрасенса? Так как мне нужно было много. Чтобы получить диплом, мне нужно было взять на себя как можно больше подобных дел. Итак, я подал заявку, зайдя настолько далеко, что отсканировал свой большой палец, чтобы убедиться, что мои учетные данные и то, кто я, соответствует тому, что меня спрашивают.

Я понял, что что-то не так, когда страница портала вакансий приостановилась во время обработки моего заявления. Затем я почувствовал себя немного отрывочно от появившегося сообщения.

Поздравляем: Ваше заявление было принято, и вам было разрешено провести личное собеседование. В ближайшее время вам перезвонят и сообщат время и место.

Единственная проблема заключалась в том, что меня не позвали. Ну, не в традиционном смысле. Я ждал в своей комнате, работая над различными задачами, которые нужно было выполнить для предстоящего летнего экзамена. Когда я услышал стук в мою дверь.

Я открыл дверь и увидел эндарийского офицера по другую сторону двери.

«Алло?» — спросил я.

«Приветствую. Я культурный координатор по связям с эндарианцами здесь, в кампусе. Я здесь, чтобы провести ваше личное собеседование на должность инструктора по игре на скрипке на эндарианском языке». Координатор говорит на эндарианском языке.

«Хорошо.» Я отвечаю на эндарийском языке.

Она кивает. Затем смотрит вниз и видит, что скрипка все еще прилипла к моему боку.

— Не могли бы вы продемонстрировать свое мастерство в этом ремесле? Она говорит, указывая на дело.

Я начинаю вытаскивать его, когда она продолжает, и мне начинает казаться, что это все было подстроено. «Подойдет что-нибудь простое, возможно, несколько баров до Эндар Райзинг». Она говорит, хотя в конце ее волнение прорывается.

Я сердито смотрю на нее.

«Только вступление, не более». Я констатирую.

Она смотрит на меня так, словно хочет надуться, но затем кивает. Я закрываю глаза, успокаиваю разум и начинаю играть вступление.

После вступления она тяжело дышит, но кивает. «Хорошо, у тебя есть работа. Твои занятия начнутся сегодня вечером. Зарплата будет через две недели с сегодняшнего дня.

С этими словами она ушла. Мое первое собеседование при приеме на работу. Моё первое невоенное собеседование. Я должен был радоваться тому, что прошел, но теперь я здесь и смотрю на своего бывшего. Ну, моя будущая бывшая жена из другой временной линии и вселенной и задается вопросом, что я сделал не так.

Именно тогда я связался с генералом Шармой, который заверил меня, что все было честно и безупречно.

«Я здесь, чтобы научиться играть на скрипке». — говорит Джесс, отвечая на мой предыдущий вопрос о том, почему она здесь.

Я хочу с ней поспорить. Я хочу ее выгнать, но в итоге не могу. По крайней мере, я не думаю, что смогу ее выгнать. Судя по всему, это огромная победа Академии в области культурного обмена. Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Тогда я отвечаю.

«Отлично. Поймите, это последний раз, когда я буду говорить по-английски в этом классе». — говорю я, оборачиваясь перед тем, как выйти в начало класса.

К счастью, здесь есть и эндарийские мужчины, иначе этот класс чувствовал бы себя совершенно неловко. А так у нас так много студентов, что нам пришлось выделить один из четырех амфитеатров, которые используются для речей, ориентированных на класс, и тому подобного. Здесь оба генерала, Шарма и Феллина, вместе с несколькими вспомогательными сотрудниками.

Я также не могу не попытаться подумать о том, почему я не нервничаю из-за того, что прямо позади меня показывается сорокафутовая проекция меня, превышающая мою жизнь. Я хочу сказать, что я боялся сцены, но по какой-то причине я просто оцепенел. Я не думаю, что это полностью PDD, по крайней мере, не в этот раз. Вероятно, в моем невнимании к смущению есть что-то еще, но я не могу понять этого. Оглядываясь назад, даже время, проведенное в Heal Воу, Купальник должен был бы смутить меня, но даже тогда я ничего не почувствовал. Может быть, если бы я был здесь, в своем Heal Воу костюме, мне было бы неловко, но не сейчас. Нет, это была моя стихия, и я собирался преподавать в этом классе, как стать мастером своего дела.

«Добрый вечер, класс. Вы все пришли сюда с одной целью. Следовать истинной страсти, которую можно выразить только с помощью скрипки». Я говорю на эндарийском языке, держа в руках скрипку. Затем я играю разные ноты, называя их во время игры.

«К концу сегодняшнего вечера вашей целью будет сыграть каждую ноту хотя бы один раз. Любые вопросы?»

Никто не задавал вопросов, поэтому я начал.

После занятий у меня звенело в ушах. Я не знаю, являются ли эндарианцы просто глухими, садистской расой язычников, которые любят притворяться, будто мучают котят, или что-то в этом роде, но они были ужасны. После первых получаса я понял, что моя цель заставить их играть разные ноты была слишком оптимистичной. Итак, я потратил несколько минут на то, чтобы исправить форму каждого. Я приводил тело каждого в правильное положение, направлял его руки и помещал свою руку поверх каждого, чтобы они хотя бы один раз знали, как звучит настоящая нота.

Конечно, я должен был ожидать, что некоторые студенты воспользуются этим. Самцы, казалось, особенно хотели, чтобы я двигал и направлял их. Дошло до того, что ярко улыгнулись остальным, когда пришла их очередь занимать позиции. Единственным, кого я отказался трогать, была Джесс. Теперь, прежде чем меня обвинят в расизме, несправедливости или чем-то еще. Я спросил ее совершенно четко.

«Хотите ли вы, чтобы я избегал прикасаться к тебе, чтобы я мог привести твое тело в правильное положение?» Особое ударение на слове избегать так что было ясно, что я говорю

на эндарийском языке.

Она, конечно, ответила «Да». В Эндарине. То же самое слово, которым ответили все остальные ученики, прежде чем я начал перемещать их тела в нужное положение.

Она заметно ощетибилась, когда я кивнула на ее просьбу не трогать ее и двинулась дальше. «Очень хорошо, я буду уважать твои личные границы и избегать прикосновений к тебе». Я ответил поклоном. Затем я перешел к следующему ученику.

«Что? Что сейчас произошло?» Она спросила громко по-английски, поскольку я явно избегал ее и пошел к следующему эндарийскому студенту. Куда я пошел и спросил ее о том же, о чем спрашивал всех остальных эндарианцев.

«Хочешь, чтобы я прикоснулся к тебе, чтобы я мог привести твоё тело в правильное положение?»

«Да.» Эндарийка ответила, одарив Джесс злобной улыбкой, за что я не мог не испытывать благодарности, хотя и старался сохранять нейтральное выражение лица.

«Что это значит.» — говорит Джесс, вставая и пытаясь преследовать меня.

— Садитесь, кадет Чайлдерс. Ваш инструктор спросил, не хотите ли вы, чтобы к вам прикасались. Ты сказал «да», давая понять, что не хочешь, чтобы он к тебе прикасался. — сказал генерал Шарма из угла комнаты. Тем временем мне удалось переместить остальную часть довольно большого класса в правильное положение к тому времени, когда Джесс, или, скорее, кадет Чайлдерс, наконец, достаточно успокоился, чтобы сесть.

Я думал, что у меня будет момент Опуса, момент, когда теперь, когда я так долго перемещал каждого эндариана в правильное положение, мы сможем вместе сыграть одну гармоничную ноту.

«Теперь начинай». — сказал я, осторожно скользя луком по тетиве.

МЕРОВРРР.

Крик умирающих котят и визг струн заполнил мои уши, когда я услышал, как все они играют во многих вариациях одной и той же тональности. Именно в тот момент я понял, что, скорее всего, я не создан для работы учителем. Возможно, если бы размер класса был меньше или мое Восприятие не было бы максимальным, а это означало бы, что мне не нужно было слышать каждую наполненную болью струну, которую создали эти монстры.

Они все были такие красивые, но все они были либо глухи как вид, либо что-то в этом роде. Если бы они были глухими, было бы понятно, почему им понравилось мое пение. Тем не менее,

когда урок закончился, я встретился с генералами. Я ожидал, что меня уволят прямо на месте.

«Это было чудесно». Генерал Феллина отреагировал первым.

«Замечательный?» Я ответил еще на Эндариане.

«Да, даже за этот короткий период я увидел, что вы смогли заставить каждого ученика попытаться раскрыть свой внутренний потенциал и позволить ему проявиться». — сказал генерал Феллина. Она звучала так, словно была под кайфом, и не собиралась лгать. Берете местную вдову, ту, которая решила заполнить пустоту своей жизни сотнями кошек. Затем вы смешиваете эту кошатницу с кем-то, у кого нездоровый фетиш кристаллов, и именно так звучал генерал. Я не говорю, что этот тип личности неправильный. Если вы кошачий хоровод, владеющий хрустальным фетишем, вдова, высокая как воздушный змей, то вам больше силы. Вас, наверное, не стоит ставить во главе армии, если, конечно, эта армия не состоит исключительно из кошек.

Мне требуется все мое самообладание, чтобы не закатить глаза, вместо этого я стараюсь источать уверенный взгляд. Затем я задал вопрос, который не давал мне покоя. — Итак, у меня есть работа?

«Да. Теперь единственный вопрос: сохраните ли вы это?» Генерал Феллина ответил.

Услышав, что я подвергся искушению. Этот первый урок был ужасным, я почти готов тут же сдать и дать своим бедным ушам время прийти в себя.

«Конечно, в следующий четверг вам заплатят, так что осталось всего два урока». Генерал Шарма заявляет.

И таким образом я понял о себе две вещи: во-первых, меня было исключительно легко читать, поскольку Генерал знал, что я был близок к тому, чтобы уйти прямо здесь и сейчас. Второй факт, который я узнал, это то, что я дешевая шлюха, которая готова мириться с личным унижением, чтобы получить хоть каплю власти. Я должен был уже заметить это во мне во время инцидента с купальником, но именно этот момент мне понадобился, чтобы по-настоящему осознать, где находятся мои стандарты. Услышав генералов, я ответил так, как мог.

Хочу сказать, что я не мог взять оплату, когда был явно не в состоянии преподавать даже малейшие уроки своим ученикам. Но в конце концов я ответил так, как мог.

«Увидимся со всеми вами в следующий вторник». Я обратился к студентам, которые остались после занятий.

«Да!» Они кричали от радости. Потом быстро ушел. Видимо, все остались, чтобы услышать мой

ответ. В каком-то смысле я должен чувствовать себя польщенным, но все, что я чувствую, — это боль внутри. Больно осознавать, что мне придется получить сертификат за то, что я научил кучку инопланетян злоупотреблять музыкальными инструментами. Но опять же, дешевая шляха, это то, что я говорю себе, чтобы чувство разочарования ушло.

Вскоре я возвращаюсь в общежитие. Затем я чувствую беспокойство, почти до того, как слышу, как меня догоняют цокающие шаги. Через секунду я ощущаю слишком знакомый запах ванили и меда, и моя грудь слегка сжимается. Через несколько секунд она идет рядом со мной, но не говорит ни слова.

Тишина.

Это игра о том, кто сможет справиться с неловкостью. Я, видимо, выиграл, так как она заговорила первой.

«Я хочу, чтобы ты знал: я сделал то, что ты сказал. Твой брат — осел».

Я киваю. Я знал это, но рад, что она, кажется, тоже знает. «Хорошо.» Это мой односложный ответ.

«Хорошо? Вот и все? Это все, что вы можете сказать. Почему ты так жесток со мной?» Она спрашивает.

Я качаю головой.

«Я не груб с тобой. Я держу тебя на удобном расстоянии. Подло было бы, если бы я указал на недостатки твоего характера. Например, как ты храпишь или воруетшь покрывала. Как всегда хочется трех собак, но никогда их не выгуливаешь. Подло бы я рассказал тебе, как ты всегда разбиваешь мне сердце, нападая на моего брата.

Я делаю паузу, останавливаясь на секунду, чтобы посмотреть на нее. В ее глазах я вижу боль, написанную внутри них. «Мин посмотрел бы на меня вот так, вот так. Тот, который говорит о боли и сочувствии, когда ты являешься причиной этой боли и сочувствия».

Затем я делаю паузу, когда понимаю. «Думаю, в каком-то смысле ты прав. Я веду себя грубо. Я хочу привлечь тебя к ответственности за боль, которую ты никогда не причинял в этой жизни.

Бадамп.

Мое сердце бьется немного быстрее, и я иду дальше. К счастью, Джесс остается на месте, и это позволяет мне глубоко вздохнуть с облегчением. В этот момент я по-настоящему понимаю, почему Мэл так разозлилась на то, что видела в прошлый раз. С чего же на самом деле началась вся эта ситуация? Мел увидел меня и понял, что у меня все еще есть чувства к Джесс.

Хуже всего то, что даже сейчас я понимаю, что хочу дать Джесс еще один шанс. Я знаю, что это другая Джесс, или, по крайней мере, та, которая никогда не предавала меня и моего доверия. Вероятно, тот, кто никогда этого не сделает. Тем не менее, мне не следует даже думать об этих мыслях, потому что у меня есть Мэл.

Мэл, который сделал для меня все. Она изменила всю свою жизнь, чтобы найти способ быть со мной, и это меня пугает. Я хочу выяснить почему, но тут меня осенила правда. Я понимаю, что это тот же самый страх, который я испытываю по отношению к Джесс. Что произойдет, если я ей больше не интересен?

«ЕБАТЬ!» Я кричу. Мгновенно телекинетик

взрывная волна вырвалась из меня, образовав гигантскую трещину на тротуаре, прямо по пути моего голоса. Как только я вызываю разлом, я чувствую легкое покалывание резонансной энергии, пронзающее мой разум. Энергия ощущается как маленькие, крохотные муравьи, ползающие по моему мозгу.

Глядя на след, который я оставил на тротуаре, я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Затем я думаю вслух: «Вот почему мне не следует быть учителем. СТУДЕНТЫ!» — говорю я раздраженно.

После этого комментария я чувствую себя немного лучше. Возможно, мне все еще придется объяснить кому-то эту вспышку. Я отмечаю это, а затем помечаю как техническое обслуживание. Я отмечаю причину как «найдена вот так».

Я уверен, что, вероятно, есть записи, которые показывают, что я явно добился успеха, но, к моему извинению, здесь нет раскрывающегося списка со словами: «Будущая бывшая жена сумасшедшего преследователя загнала меня в угол после занятий, чтобы попытаться начать все сначала». время в этой жизни».

Итак, у меня были связаны руки, и было уже поздно.

<http://tl.rulate.ru/book/121991/5117379>